

ПАЙДЕЙЯ: ПАФОС СОЗИДАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА

Понимание и интерпретация Пайдейи как культурного явления непосредственно не состоят в *связывании* смыслов самой эпохи классической Пайдейи, ее расцвета, основных положений с современными культурно-историческими аналогами. Но *пайдетическая* природа общества обнаруживается во всем содержании исторических процессов, определяющим моментом которых является понятие прогресса. То и дело возникающие в истории социальные новации с их непредсказуемыми последствиями (В.И. Несмелов в своей «Науке о человеке» оценивает все рассуждения о благих социальных проектах как ложные, поскольку в таковых суждениях человек присутствует только логически, а на самом деле служит лишь средством[1]) провоцируют современную мысль на воспроизведение идеальных, рациональных начал мироустройства, данных некогда в античную эпоху высокой классики. В той древнегреческой Пайдейе 1V века до н.э. были сформулированы принципы наиболее разумного общественного воспитания прекрасного человека и идеального государства.

Пайдейя, как разворачивание космического смысла «добродетели» (*аре'те*), выступает условно в трех своих ипостасях. Первая, внешняя форма связана с образованием в самом общем смысле этого слова. Видимо, это понимание Пайдейи оказалось наиболее укорененным в повседневном сознании. Вторая выражается в процессах формирования человеческой душой своего этического кодекса, обусловленного самими законами природы. *Внутреннее* воспитание, обретение знаний о высоких нравственных правилах в соответствие с мировой гармонией. Третья форма являет собой также продолжение знания о человеческой морали, ее объективации в политические ценности. Все существующие физические и духовные добродетели позволяют проявиться другой - социальной, политической добродетели человека, обуславливающей

создание сильного государства. В целом эти ипостаси и формально, и содержательно удивительно равновесны и генетически взаимопределены.

Вся последующая история западно-европейского общества представима как попытка последовательной реализации идеалов Пайдейи. Таким образом, Пайдейя из весьма локального древнегреческого культурного феномена превратилась в глобальную «ойкуменистическую» тенденцию бытия. Но, несмотря на это, вопрос: «Пайдейя – это состояние, утвердившееся в IV веке до н.э. или после?» - имеет свой конструктивный смысл. Действительно, Пайдейя была или есть? Здесь как будто бы содержится очевидный ответ. Но содержательно время постклассической Пайдейи окрашено стремлением человека *направить* общественную жизнь, создать истинное сообщество, основой которого является добродетель. Классическая Пайдейя складывается как «морфология идеальных отношений человека и полиса» [2, С. 5-12]. Смыслом такой Пайдейи было создание идеальной воспитательной системы, конечная цель которой содержалась в формировании не столько истинных отношений в государстве (это, по сути, наиболее известная, внешняя - политическая модель), а сколько во внутреннем изменении, возрождении «совести граждан» или «души» [2, С. 5-12].

У Сократа это выражено в идее восстановления полиса и его нравственного авторитета. Воспитание, по Сократу, это предоставление человеку возможности достичь высшей цели в жизни, что совпадает со стремлением к познанию (фроне́сис) Блага. Значение Пайдейи, как образования, меняет свои смыслы и выражает собой необходимость формирования *мировоззрения вообще*. Значимые вехи Пайдейи становятся истинной собственностью каждого человека, причем единственной (сократик Стильпон: «Никто не сумел похитить моей Пайдейи» [2, С.94]. Даже самые немислимые каверзы судьбы и социальные потрясения не могут поколебать этого истинного спокойствия человеческого духа. В определенном смысле уместна аналогия с оценкой А. Шопенгауэра, данной аполлоническому мироощущению древнего грека,

невозмутимо восседающего на своей утлой лодчонке в бушующем океане человеческих страстей. В сократовском понимании Пайдейя «снимает» свой внешний объективированный смысл как образовательной системы и политической добродетели и выходит на следующий сущностный, онтологический уровень - *внутреннюю духовность, мировоззренческую свободу*.

Впоследствии античный мир, в том числе и древнеримская цивилизация, сформулировали важнейшие политические добродетели, заключающиеся в служении государству. В эту эпоху, в общем-то, узкий политический аспект бытия обладал невероятным, универсальным, космическим смыслом, ибо политические добродетели принимались за *аналог общечеловеческих ценностей*. Этот важный результат вполне соответствует духу нескончаемых имперских завоеваний, политической централизации и, соответственно, возросших амбиций человека и гражданина. Эта Пайдейя может быть охарактеризована как доведенное до своего предела, абсурда стремление к *обладанию властью*. По существу, политическая добродетель в ту эпоху является критерием *общечеловеческого, смысложизненного*. В рамках всего античного мира вся общественная деятельность в целом воспри[нималась как расколота на противоположные и неравноценные сферы - высокую сферу государственности и служения, родового бытия, в которой, собственно, человек и реализовывал себя как человек и низменную сферу бытовой повседневности [3, С.10]. Такова эволюционирующая от сократовской – мировоззренческой парадигмы к платоновской доктрине с мыслью о воспитании, позволяющая перевернуть всю политику государства, удивительная *пластичность* Пайдейи.

Начавшаяся от софистов традиция необходимости обучения, отвечающего, прежде всего, потребностям развивающихся судебных и политических учреждений полисов - т.е. политического, по сути, развивается дальше до признания возможности намеренного и сознательного обучения *творчеству вообще*. Так был обозначен аспект социально-политического смысла искусства.

Обучение политическому искусству создавало предпосылки освоения тайн художественного творчества. Такой подход открывает доселе неизвестный пласт понимания искусства как особого ремесла и с началом узкой специализации общественного труда способствует расширению круга людей, способных творить и воспринимать художественные ценности.

Существовавшее в античной Пайдеей равновесие между властью и высокой культурой, направленное на удержание общества от катастрофических тенденций, остается для современного социума недостижимым идеалом. Именно отсутствие необходимой неформальной связи между политической жизнью общества и культурной традицией обуславливает естественный ход забвения пайдетических идеалов. Но сам феномен Пайдеи, ее принципы, в известном смысле, обрели за долгую историю черты прекрасного жизнеутверждающего *социального мифа*. И в этом контексте, выражаясь языком синергетики, у нас уже есть «механизмы» социальной памяти, которые включаются спонтанно и выводят систему (а общество есть сложная, открытая система) на «старые следы эволюции». Общество испытывает потребность в непреходящих духовных ценностях именно в период социальной и политической нестабильности, и тогда неизменно возрастает необходимость в нашем обращении к Пайдеей - *«хрупким на вид цветам человеческой мысли, не увядающим никогда»* [2, С. 5-12].

Литература

1. Несмелов В.И. Наука о человеке. – М., 1999.
2. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. (Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). – М.: Издание: "Греко-латинский кабинет" Ю. А. Шичалина, 1997. – 335 с.

3. Быт и история в античности: сб.ст. АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Отв. редактор Г.К. Кнаббе. - М.: Наука, 1988. – 270 с.